

УДК 821.061.1.09 "18" – 43(470.05)

УРАЛ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ П.И.МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО И Д.Н.МАМИНА-СИБИРЯКА: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ¹

Елена Георгиевна Власова

к. филол. н., доцент кафедры журналистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Elena_vlasova@list.ru

Представленный в статье сравнительный анализ путевых очерков П.И.Мельникова-Печерского «Дорожные заметки (Из Тамбовской губернии в Сибирь)» и Д.Н.Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» выявил особенности перехода от внешнего образа Урала, построенного на столкновении идентичности путешественника и пространства, к образу внутреннему – позитивному по изначальной установке. Методологическим основанием для сравнения послужила идея о влиянии геокультурного статуса путешественника («бэкграунда» – по определению Сьюзен П.Кастилло) на восприятие пространства и конструирование образа этого пространства в тексте травелога. Представленные Мельниковым-Печерским и Маминим-Сибиряком стратегии интерпретации уральского пространства сформировали разные традиции описания Урала, противоборство которых определило один из главных сюжетов уральской геопэтики.

Ключевые слова: уральский травелог XIX в.; бэкграунд путешественника; геопэтика Урала; П.И.Мельников-Печерский; Д.Н.Мамин-Сибиряк.

Интерпретация ландшафта в травелоге происходит на основе мировоззренческих, социокультурных и личностных установок путешественника. «Путешественник – не сканер, не место проекции и коллекции образов. Путешественник активно интерпретирует среду на основе взаимодействия с ней», – утверждает исследователь феномена путешествия В.Каганский [Каганский 2011]. Д.Замятин, разворачивая характеристику образа пространства в путешествии, отмечает: «Путевой образ территории может быть насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может включать память об образах территорий, где родился, жил путешественник, зачастую далеких от района путешествия» [Замятин 2002: 15]. Следовательно, формирование образа территории в травелогах связано с отталкиванием от знакомого, общекультурного и личностного опыта путешественника, т.е. как выстраивание идентичностей – своей и Другого.

Делая обзор материалов сборника «Романтические местности: Европа пишет место» (Лондон, 2010) и говоря об актуальности проблематики, связанной с формированием идентичностей, А.Сорочан подчеркивает: «Местность – не просто фон для развития событий (домашний и уютный или экзотический и неведомый), она связана

с внедрением в литературный текст элементов идентичности или идентичностей; она впечатляет читателей контрастом между «домом» и «чужим местом»; она позволяет авторам моделировать чувство субъективности, которое опирается на определение известного и в то же время расширяет пределы известного» [Сорочан 2011].

Ситуация внутренней колонизации, сложившаяся на Урале, а также географическая обособленность региона предопределили особую напряженность процесса идентификации Другого. Перед путешественниками XIX в. стояла непростая геополитическая задача: описать Урал как малоизвестное русское пространство – регион со своим собственным укладом жизни. Современные исследования национальной идентичности жителей Среднего Урала XIX в. подтверждают существование территориального изоляционизма: «Уральцы, безусловно, осознавали, что они живут в России, однако так же называли территорию европейской части страны. Свою же землю они величали Уралом, несколько противопоставляя себя в данном случае русским центральным губерниям. Таким образом, следует констатировать присутствие наряду с этнонимом "русские" территориального имени населения края – "уральцы"» [Теленков 2003]. Очевидно,

что приезжающие на Урал путешественники также осознавали специфику местной жизни. Конечно, в первую очередь эта специфика была связана с деятельностью горных заводов. В итоге, несмотря на колониальный характер освоения региона, главным объектом наблюдения в уральском травелоге XIX в. стали не «туземцы», а русское население Урала.

Процесс формирования образа «русского» Урала в литературе путешествий XIX в. зафиксировал контрастный переход от внешнего восприятия к внутреннему пониманию уральской специфики. Пространственный статус путешественника определял характер оценки, содержание идентификации, а следовательно, образа пространства. Благодаря высокой степени интертекстуальности травелога эти идентичности пересекались, наслаивались и взаимоотталкивались. Своего рода аванкстом уральского травелога XIX в. послужили «Дорожные заметки (Из Тамбовской губернии в Сибирь)» П.И.Мельникова-Печерского («Отечественные записки», 1839–1842): здесь были заданы основные темы уральского пространства, так или иначе повторившиеся в путевых «отчетах» других авторов. Путевые очерки Д.Н.Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» («Русские ведомости», 1881–1882) открыли новый этап уральского травелога – этап самоидентификации и самопрезентации – и стали, в свою очередь, статусным текстом для последующих путешественников. Сопоставительный анализ путевых очерков Мельникова-Печерского и Мамина-Сибиряка, представляющих противоположные векторы идентификации, позволяет выявить особенности перехода от внешнего образа пространства, построенного на столкновении идентичности путешественника и пространства, к образу внутреннему – позитивному по изначальной установке.

При анализе образа уральского пространства с точки зрения внеположенности или включенности идентичности путешественника продуктивным будет обращение к методологии, предложенной в книге Сьюзен П. Кастилло «Колониальные взаимодействия в текстах о Новом Свете. 1500–1786» [Castillo Susan P. 2006]. Автор этого исследования называет четыре ключевых аспекта путевого текста: бэкграунд исторический и философский, образ Другого и синтез. Для нашего исследования особое значение приобретает бэкграунд, связанный с геокультурной идентичностью путешественника, т.е. с характером исходного пространства путешествия. В качестве примера определяющего влияния бэкграунда на восприятие ландшафта сошлемся на описанную В.В.Абашевым предысторию форми-

рования образа Урала в творчестве Бориса Пастернака [Абашев 2008].

Описание бэкграунда позволяет выявить точку отсчета – исходную идентичность путешественника, которая вступает во взаимодействие с ландшафтом. На фоне геокультурного бэкграунда, или того, что находится позади, чаще всего это воспоминания о Доме, определяется характер Другого. В этой связи «Дорожные заметки» Мельникова-Печерского представляют собой наглядный пример восприятия пространства путешествия в сопоставлении с привычным опытом – а именно с волжским укладом жизни, который идентифицируется писателем с общерусским. Горный пейзаж Урала описывается Мельниковым-Печерским сопоставительно с более привычным равнинным пейзажем, горнозаводской уклад жизни – с крестьянским, уровень экономики и культуры – по меркам Приволжской деловой активности.

Так, самый яркий эмоциональный отклик писателя при восприятии уральского пейзажа связан с долиной реки Обвы, напоминающей путешественнику родные места: «Низменными, зеленым ковром зелени покрытыми берегами Обвы ехали мы в это прелестное июльское утро. Как живописны берега этой Обвы! Какие пленительные ландшафты представлялись со всех сторон глазам нашим! Смотря на них, любуясь ими, я не видал более пред собой суровой Пермии; мне казалось, что я там, далеко – на юге. <...> Леса нет, горизонт широко раскинулся. Оба тихо, неприметно катит струи свои. Это не уральская река: она не шумит тулунами, не мутится серым песком, не перекачивает на дне своем цветных галек; тихо, безмятежно извивается она по зеленым полям и медленно несет свои светлые струи в широкую, быструю, угрюмую Каму» [Мельников-Печерский 1909: 564].

Приподнятое настроение Мельникова-Печерского во время путешествия вдоль Обвы поддерживается также увиденным и таким привычным укладом жизни:

«По берегам Обвы жители занимаются и хлебопашеством довольно успешно, и потому здесь редко покупается сарапульский хлеб, которым снабжается северная часть Пермской губернии...» [там же: 566]. При этом писатель подчеркивает отличие местной жизни от специфически уральской: «Горных работ здесь нет, и потому-то здешние страны имеют свою особенную физиономию; здесь народ богаче, здоровее, воздух чище, самая природа смотрит как-то веселее. Так и должно быть...» [там же].

Таким образом, «домашний» опыт писателя определяет избирательность взгляда. Мельников-Печерский внимательно описывает жизнь

уральских крестьян и весьма сдержанно, сухим языком экономического обзора, состояние уральских заводов, подчеркивая при этом их тяжелое положение, упадок производства или неконкурентоспособность продукции. Так, рассказывая об одном из самых благополучных в Прикамье заводов – Пожевском, Мельников-Печерский успевает заметить: «Кроме разных поделок и машин, здесь делают прекрасные ножи, ножницы, которые, однако, далеко уступают завьяловским...» [Мельников-Печерский 1909: 557].

Образ главной уральской реки также дается в неблагоприятном сравнении: «Кроме этих лодочек, ничего нет на Каме: река совершенно пуста; это не то, что на Волге, где круглое лето одно судно перегоняет другое и дощаники беспрестанно ходят то вверх, то вниз. Судходство по Каме бывает по временам. <... >В другое время вы не увидите жизни на Каме, она вам представляется совершенно пустынною рекою» [там же: 534].

Негативное восприятие Урала усиливается консерватизмом общественных и религиозных установок путешественника. В частности, его рассказ об уральских кержаках выполнен в риторике резкой религиозной нетерпимости:

«Но когда некоторые закоренелые изуверы не только что не слушали увещаний Питирима, но еще старались увеличить как можно более число своих единомышленников, тогда Петр Великий принужден был сослать некоторых керженских раскольников в Сибирь и Пермскую губернию. Но в числе этих сосланных был лжеучитель их Власов. Он и клеветы его рассеяли гибельные семена раскола по Сибири и по Пермской губернии. Петр Великий в бытность свою в Астрахани отменил приказание это, узнав о следствиях, и повелел раскольников керженских впредь ссылать в Рогервик. Но зло, занесенное в Сибирь, развилось и только в нынешнее время почти кончилось» [там же: 566–567].

В результате образ Другого у Мельникова-Печерского – это не столько местные инородцы, пермяки и вогулы, описание которых не лишено романтического ореола («дикий сын дикой пустыни»), сколько русское население, связанное с жизнью горных заводов. Симпатию вызывают только местные крестьяне и старинные предания, обращенные к героическому прошлому: «Надобно тому пожить в Сибири или в Пермской губернии, кто хочет узнать русский дух в неподдельной простоте. Здесь все – и образ жизни, и предания, и обряды – носит на себе отпечаток глубокой старины» [там же: 533].

Так формируется образ дикой пустыни, медвежьего угла, где промышленность, быт и нравы

законсервированы и остаются на раннем этапе русской колонизации. Не понимая и не принимая современной жизни Прикамья, Мельников-Печерский с увлечением пишет о пермских древностях, кодифицируя в образе уральского пространства диссонанс между богатой историей и безрадостным, вымороченным настоящим. Главное достояние Урала – его древность и верность старинному укладу жизни. Сочетание архаичности, пермяцкой экзотики, сохранившейся в местной топонимике, древности истории рождает образ русского Китая: «Пермь настоящий русский Китай... И какое китаиство в ней – удивительно! Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай, Господи, поскорее. Что ни говорите, а ведь Пермь на матушке Святой Руси; ведь не последняя же она спица в колеснице» [там же: 573].

В последующих путевых описаниях Урала сохраняются заданные Мельниковым-Печерским темы, а также основные особенности их интерпретации. Большинство путешественников изобразили Урал глубокой провинцией, акцентируя главным образом угасание горнозаводской экономики.

Принципиально ситуация меняется только в начале 80-х гг., когда выходят путевые очерки Д.Н.Мамина-Сибиряка («От Урала до Москвы» и др.) и В.И.Немировича-Данченко (очерк «Река лесных пустынь» в «Историческом вестнике» (1882. №11–12)). Эти травелоги, появившиеся практически одновременно, построены на утверждении образа самодостаточного и самобытного российского региона. Причем реинтерпретация Урала в очерках Мамина-Сибиряка имела более наступательный характер, что определялось уральским бэкграундом писателя.

Начало путевых очерков Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы», как представляется, целенаправленно задает противоположный принятию, утвердившемуся в путевой литературе XIX в., ракурс описания Урала: «Мне случилось в последний раз безвыездно прожить в Екатеринбурге около четырех лет, в течение которых я настолько привык к этому городу и сроднился с ним, что минута расставания была более чем тяжела» [Мамин-Сибиряк 1955: 249]. Писатель намеренно подчеркивает свою уральскую «прописку» и особую связь с Екатеринбургом. Слово отвечая на вопрос Мельникова-Печерского из финала «Дорожных заметок»: «Скоро ли Пермь выйдет из своего безжизненного оцепенения?», Мамин-Сибиряк переносит внимание читателя на главный, по его мнению, город Урала. Именно здесь сосредоточены самые важные приметы уральской жизни: «...что-то полное деятельности, энергии и предприимчивости чувствовалось

в этой картине города, с тридцатитысячным населением, заброшенного на рубеж между Европой и Азией» [Мамин-Сибиряк 1955: 249].

Можно сказать, что путешествие Мамина-Сибиряка – это геокультурная ревизия сложившегося образа Урала и презентация подлинного Урала, суть которого составляют горные заводы и работные люди: мастеровые, сплавщики, старатели. Миссия «ребрендинга», как представляется, была вполне от-refлексирована писателем. Так, в его характеристике уральских пейзажей художника Верещагина видится критика всего, что было написано об Урале прежде: «Мне случилось видеть в Петербурге на выставке его виды Урала, но что это было: были рамы, было намаляванное полотно, на полотне красовалось имя профессора Верещагина, и только Урала не было...» [там же: 267].

Говоря о еще не открытой красоте уральского пейзажа, Мамин-Сибиряк направляет художников «в лучшее место реки Чусовой» – «где она течет среди великолепных скал и утесов, именно между Межевой Уткой и Кыновским заводом» [там же: 268]. Выбирая самые яркие приметы окрестного пространства, писатель рисует типичный для Урала горный пейзаж: «...кто раз видал, тот никогда не забудет чудные уральские ночи с глубоким голубым небом...; живописные лесные ландшафты где-нибудь на дне глубокого лога или на шихане, горные озера и реки» [там же].

Образ Урала создается Маминым-Сибиряком, в отличие от Мельникова-Печерского, посредством утверждения. Бэкграунд Мамина-Сибиряка как путешественника – это глубокое и живое (не книжное) знание рабочей жизни Урала, а также продуманное уважение к горнозаводскому делу. Основным источником сведений об Урале служит собственный опыт. Поэтому в тексте путешествия появляются вставные очерки о знакомых старателях-малороссах и бабушке из староверов; детальный анализ съезда горнозаводчиков; разбор экономических обстоятельств, разоривших уральских кустарей, и т.д. Мамин-Сибиряк дает подробные характеристики местных профессий, которые демонстрируют его прекрасную осведомленность о специальных навыках и умениях уральских рабочих. Так, например, он пишет о чусовских сплавщиках: «Сплавщик, помимо знания реки, должен отлично знать свою барку, должен примениться в каждом данном случае к известному уровню воды в реке, быстроте течения, законам движения барки по речной струе. И все-таки, зная все это, часто сплавщик оказывается негодным, потому что у него недостает двух главных качеств: смелости и умения хорошо поставить себя между бурлаками.

Последние качества безусловно необходимы» [там же: 367].

Создавая галерею уральских типов, Мамин-Сибиряк реинтерпретирует введенные предыдущими путешественниками характеристики. Отдельный очерк в путешествии посвящается уральским раскольникам, которые, по мнению писателя, воплощают лучшие качества уральского характера – нравственную целостность, верность традиции, волю и смелость. Писатель ставит вопрос об историческом значении раскола в судьбе российского государства и, в частности, о его важнейшей роли в освоении Урала: «В истории Урала раскол составляет выдающееся явление, получившее под влиянием исторических и местных условий совершенно особенную, может быть, слишком интенсивную окраску» [там же: 314]. Мамин-Сибиряк противопоставляет свое мнение о расколе как живом явлении русской действительности книжным представлениям тех, кто «в тиши ученых кабинетов» не видит «живых людей и живых лиц» [там же: 315]. Он не вступает в религиозные споры и не оценивает раскол с точки зрения праведности веры. Для него значение имеет то обстоятельство, что «за формальными проявлениями» раскола стоит «целое народное мирозерцание», купленное «потом и кровью тысяч страдальцев» [там же]. Давая альтернативную официальной позиции характеристику раскола, писатель демонстрирует важную для уральского сообщества социокультурную установку, связанную с многоконфессиональным укладом местной жизни: «Даже эти формальности, смешные и нелепые сами по себе, заслуживают внимания и уважения по одному тому, что они служат известным лозунгом для тысяч людей, которым, как цементом, связаны все части этого живого здания» [там же: 315–316].

Образы уральских раскольников под пером Мамина-Сибиряка становятся воплощением физической и нравственной красоты. «Эта массивная, атлетически сложенная фигура с грубым, но красивым лицом и глядевшим насквозь ласковым мягким взглядом небольших темно-карих глаз служила живым олицетворением нравственной силы, уверенности в себе и сознания какого-то превосходства; это сознание просвечивало в каждом движении, в тоне голоса, в медленном взгляде, в каждой складке платья», – так эмоционально писатель рисует портрет раскольничьей начетчицы Василисы Авдеевны [там же: 316].

Наступательное утверждение уральского уклада жизни как самодостаточной ценности приводит к кардинальному пересмотру принятых в российской действительности геополитических координат, предписывающих считать российские

окраины глубочайшей провинцией. Центром для писателя становится родной Екатеринбург. На подъезде к Москве путешественник уносится «мыслью назад»: «...и кажется, что вот уже скоро неделя, как все едешь куда-то под гору, в яму» [Мамин-Сибиряк 1955: 400]. Географический спуск становится аксиологическим движением от центра на периферию. Главные отсечки на этой нисходящей оси – изменяющийся типаж мастеровых. Зауральские мастеровые, как образец физической силы и великой преданности своему делу, противопоставляются «расейским» фабричным. Отрицательные характеристики последних даны на контрастном фоне негативного сопоставления: «...это не тагильский мастеровой, не старатель, не сплавщик, это что-то такое пришибленное, глядящее болезненно напряженным взглядом, какое-то уныние сказывается в этих вялых движениях, в этом общем упадке физических сил» [там же: 401].

Однако в заданном векторе негативной идентификации есть более раздражающая ипостась Другого – Пермь с ее административной пустотой, чахлыми мастеровыми, вырождающимися коми-пермяками. Характеристики Перми поражают своей резкой нетерпимостью: «... Тут уж нельзя было встретить ни уральского мастерового, ни старателя, ни пахаря по преимуществу: на сцену выступал мещанский элемент и «золотая рота», т. е. крюшники, которые грузили баржи» [там же: 284]; «Попадались по дороге черномазые фабричные – что-то среднее между мастеровым и машинистом; это был уже другой тип сравнительно с уральскими мастеровыми. Народ там выглядел могучее, сильнее. Тип мельчал» [там же: 285]; «От Перми до своего впадения в Волгу Кама не имеет никакой истории, – ее историческая часть выше Перми <...>» [там же: 293].

Образ Перми тенденциозен, потому что создан в полемике со сложившимся представлением об Урале. Формируя новый образ региона, Мамин-Сибиряк намеренно исключает из него Пермь, которая в силу своего столичного статуса (административная столица Пермской губернии, в состав которой входил уездный город Екатеринбург) и геокультурного положения (въездные ворота на Урал – крупнейший речной порт и железнодорожный узел) воспринималась главной территорией Урала.

Маркирующим качеством Другого для Мамина-Сибиряка является несоответствие образу горнозаводского Урала. В связи с этим коренное население также выпадает из поля зрения писателя. Беглого упоминания местные «иностранцы» заслуживают только в рассказе о начале горнозаводской колонизации края, в котором Мамин-

Сибиряк, увлекшись риторикой «огневой работы», откажет «аборигенам» в способности к тяжелому труду: «Аборигены не могли служить здесь материалом; на севере – вогулы, на юге – башкиры, они были слишком слабы физически, чтобы вынести все тяготы рудникового труда и огневой работы» [там же: 272]. Другой у Мамина-Сибиряка – это тот, кто не соответствует образу уральского рабочего. Поэтому, несмотря на общий позитивный характер идентификации уральского пространства, в путевой публицистике Мамина-Сибиряка происходит отрицание важнейших его составляющих: прикамского Урала и уральского коренного населения, не совпавших с образом горнозаводского края.

Пермский вектор уральской идентичности не нашел в XIX в. местного интерпретатора, конгениального Мамину-Сибиряку. Многочисленные путевые отчеты, появившиеся в пермской периодике на рубеже XIX–XX вв., осторожно обходили критику Мамина-Сибиряка, стараясь осваивать легитимизированные писателем темы – древней истории северного Прикамья, красоты Камы и т.д. Одна из самых заметных попыток реабилитации Перми принадлежала пермскому публицисту и писателю А.А.Городкову, опубликованному в московском журнале «Светоч и дневник писателя» за 1913 г. цикл путевых очерков «Кама» [Макк 1913а, б]. Правда, полемизировал Городков не с Маминым-Сибиряком, а с Немировичем-Данченко, упрекая последнего в необъективности оценок. Умные, колоритные по деталям, интонационно выдержанные очерки Городкова все же не смогли предложить столь же яркий и убедительный, как у Мамина-Сибиряка, образ уральского пространства: они распались на описания отдельных достопримечательностей.

Образ Урала, созданный Маминым-Сибиряком в путевых очерках, обладал необходимыми воздействующими характеристиками: была найдена главная тема идентичности, четко и убедительно назван ее субъект и даже придуман динамичный сюжет, основанный на соперничестве территорий. Ввиду сложившихся историко-литературных и творческих обстоятельств этот проект был лишь частично претворен в художественной прозе писателя. В.В.Абашев, размышляя о художественной интуиции Мамина-Сибиряка, справедливо отметил, что скованный литературной конвенцией времени писатель не смог в полной мере реализовать свое неординарное геопозитическое мышление. Однако «в менее контролируемых элементах повествовательной периферии» – «в сравнениях, в подборе деталей для описания» – проявилось его глубинное видение уральской онтологии [Абашев 2009: 59]. В

художественной прозе Мамина-Сибиряка формировались элементы уральской геопоэтики, которые получают дальнейшее развитие в литературе XX в. [Абашев, Абашева 2010]. Рассматривая творчество Мамина-Сибиряка в геопоэтическом отношении, следует отметить, что анализ его ранней публицистики становится подтверждением концептуальной целостности образа уральского пространства в структуре художественного мышления писателя.

Представленные векторы интерпретации уральского пространства дали толчок к формированию двух разных традиций описания Урала. Пермь чаще всего воспринимается наследницей легендарной Биармии и древнего Пермского моря, Екатеринбург – промышленным центром, сохранившим славу экономической столицы Урала. Противоборство этих идентичностей по-прежнему составляет один из главных текстопорождающих сюжетов уральского ландшафта.

Примечание

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ 11-14-59001 «Отражение процесса формирования региональной идентичности в периодической печати Пермской губернии (1840-1890-е гг.)» (2011-2012 гг.)

Список литературы

Абашев В.В. Урал как предчувствие. Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака // Вопросы литературы. 2008. №4. С.125–144.

Абашев В.В. Мамин-Сибиряк: у истоков геопоэтики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. №1(22). С.51–59.

Абашев В.В. Абашева М.П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. №2. С.81–89.

Замятин Д.Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования. 2002. №2. С.12–22.

Каганский В. Путешествие. URL: <http://www.biosemiotica.ru> (дата обращения: 01.10.2011).

Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955. Т.8. С.249–402.

Макк А.А. (Городков А.А.) Кама // Светоч и дневник писателя. 1913а. №3–9.

Макк А.А. (Городков А.А.) По Каме // Светоч и дневник писателя. 1913б. №11–12.

Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т.7. С.514–573.

Теленков А.В. Национальное самосознание русских во второй половине XIX – начале XX века: По материалам Среднего Урала: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2003. 247 с. URL: <http://www.disscat.com/content/natsionalnoe-samosoznanie-russkikh-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-veka-po-materialam-sred> (дата обращения: 01.10.2011).

Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛО. 2011. №112. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/> (дата обращения: 01.10.2011).

Castillo Susan P. Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America. L.: Routledge, 2006. X, 276 p.

URAL IN TRAVEL ESSAYS BY P.I. MELNIKOV-PECHERSKY AND D.N. MAMIN-SIBIRYAK: A VIEW FROM INSIDE AND OUTSIDE

Elena G. Vlasova

Reader of Journalism Department

Perm State National Research University

In the article the comparative analysis of the travel essays “Travel notes (From Tambov province to Siberia)” by P.I.Melnikov-Pechersky and “From the Ural to Moscow” by D.N. Mamin-Sibiryak shows the specificity of the shift from the external image of the Ural region based on the conflict between the traveller’s identity and the space to the internal one which is positive from the very start. The methodological basis for the comparative analysis was the assumption that a traveller’s geocultural status (or his background, as defined by Susan P.Castillo) influences his perception of space and the way he builds the image of the space in the text of the travelogue. The strategies of interpretation of the Ural space used by P.I. Melnikov-Pechersky and D.N. Mamin-Sibiryak formed different traditions of the region description, the confrontation of which determined one of the key plots of the Ural geo-poetics.

Key words: Ural travelogue of the XIXth century; traveller’s background; geo-poetics of Ural; P.I.Melnikov-Pechersky; D.N.Mamin-Sibiryak.